

«СТРАШНАЯ НОЧЬ» А. П. ЧЕХОВА КАК ПАРОДИЯ НА СВЯТОЧНЫЙ РАССКАЗ

А. Н. Прилипко

*магистрант (Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы, Россия, Москва)
polev.a.n@mail.ru*

В работе рассматриваются приемы пародии жанровых традиций святочного рассказа в «Страшной ночи» А. П. Чехова. Жанровое своеобразие указанного рассказа детально не исследовано, что потребовало изучения его основных параметров. В результате исследования было доказано, что в рассказе «Страшная ночь» пародируются сюжетные и стилистические элементы страшного святочного рассказа. Рассказ Чехова построен на обмане читательских ожиданий: в нем не происходит ничего сверхъестественного, фантастическое воплощается только в предположениях героя, а чудо оборачивается анекдотичной ситуацией.

Ключевые слова: пародия; святочный рассказ; «Страшная ночь»; традиция; А. П. Чехов.

«THE TERRIBLE NIGHT» BY A. P. CHEKHOV AS A PARODY OF A CHRISTMAS STORY

A. N. Prilipko

*master student (Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba, Russia, Moscow)
polev.a.n@mail.ru*

The work examines the techniques of parody of the Christmas story genre traditions in the «Terrible Night» by A. P. Chekhov. The genre originality of this story has not been studied in details, which required the study of its main parameters. As a result of the research, it was proved that the story «Terrible Night» parodies the plot and stylistic elements of the terrible Christmas story. Chekhov's story is based on deception of readers' expectations: nothing supernatural happens in it, the fantastic is embodied only in the assumptions of the character, and the miracle turns into an anecdotal situation.

Key words: Parody; Christmas story; Terrible Night; tradition; Chekhov A. P.

Рождественский или святочный рассказ – жанр малой прозы XIX века [1, с. 194], для которого характерно сентиментальное настроение и повествование о чудесном спасении человека, оказавшегося на грани отчаяния в канун Рождества. Святочный рассказ, будучи отдельным жанром, является узнаваемым, имеет свои мотивы, типы сюжетов и персонажей. Жанровые традиции святочного рассказа были исследованы в работах А. С. Собенникова и Е. В. Душечкиной.

Распространению жанра святочного рассказа в русской литературе способствовал успех публикации переводов «Рождественских повестей» (*The Christmas books, 1843–48*) Чарльза Диккенса (*Charles Dickens, 1812–1870*) [2, с. 117]. События повестей приурочены к Рождеству и повествуют или о чудесном спасении человека, находящегося в состоянии материального кризиса, или о духовном возрождении грешника. Во второй половине XIX века в связи с развитием периодической печати жанр святочного рассказа становится популярным в России. Многочисленные авторы святочных рассказов использовали уже отработанные штампы, что привело к появлению пародий на жанр. Рассказ Антона Павловича Чехова (1860–1904) «Страшная ночь» (1884) является одной из таких пародий.

Анализ жанровой структуры рассказа на предмет соответствия формальным признакам жанра святочного рассказа показал следующее. В классическом святочном рассказе действие происходит в течение одной святочной ночи [2, с. 121]. События рассказа «Страшная ночь» происходят в ночь перед рождеством, что соответствует канону святочного рассказа. Однако в рассказе Чехова нет рождественской атмосферы. Герой рассказа Панихидин равнодушен к празднику и в канун Рождества посещает спиритический сеанс, что является обращением к бесам с точки зрения Христианства. Абсурдность ситуации заключается в том, что герой общается с миром мертвых в Рождество, которое является праздником живых. Герой верит не в Бога, а в спиритизм. В рассказе «Страшная ночь» показано, что суть Рождества и божественного промысла рождественского чуда стала забываться и заменяться верой в мистику.

Герой святочного рассказа в начале повествования обычно несчастен или находится в состоянии материальной нужды. В рассказе «Страшная ночь» Панихидин возвращается со спиритического сеанса в состоянии уныния: «*Мысли мои, когда я шел, были тяжелы, гнетущи...*» [3, с. 139]. Причиной этому были слова, которые услышал герой: «*Жизнь твоя близится к закату... Кайся...*» [3, с. 139] - Панихидина пугает предсказание о смерти. На материальное положение героя указывает только то, что он является «*мелким чиновником*», живущим в «*убогой*» комнате, однако его это не тревожит.

Герой святочного рассказа герой может оказаться в потустороннем, inferнальном мире. Повествование начинается в мире реальном и затем переходит в inferнальный. В рассказе «Страшная ночь» Панихидина окружают объекты inferнального пространства – его собственная фамилия, его покойный друг, храм Успения-на-Могильцах, Мертвый переулок, дом чиновника Трупова и купца Черепова, врач Погостов, Упокоев, который впоследствии застрелился, Кладбищенский, разговор с мертвым на спиритическом сеансе. Все фамилии персонажей, связанные со смертью и потусторонним миром, являются пародийным приемом. Inferнальное также существует в предположениях героя о возможных событиях, основанных на его вере в спиритизм и нечистую силу. В рассказе также упоминается характерный для святочных рассказов мотив сна, в котором разворачивается inferнальный мир. Однако происходящие события не являются сном: «*стало быть, сейчас мы не спим и видим друг друга не во сне.*» [3, с. 145] –

читательское ожидание развязки с пробуждением героя ото сна не сбывается. Таким образом, inferнальный мир в рассказе не является фантастическим пространством, в котором обитает нечистая сила. Звон к заутрене в святочном рассказе означает конец времени нечистой силы и последующее спасение героя. Однако Панихидин узнает причину появления гробов не сразу после звона. Неожданная чудесная развязка [1, с. 205], получает сниженное бытовое объяснение. Панихидин находит совершенно не страшное и не фантастическое объяснение нахождения гробов у себя и у своих товарищей. Гробы были самым ценным имуществом тестя Челюстина, которое необходимо было у кого-то оставить на сохранение. Герой Чехова с самого начала рассказа находится в inferнальном пространстве. После выяснения бытовой причины появления гроба у себя в комнате Панихидин возвращается из inferнального мира. Все его фантастические предположения оказываются ложными. Таким образом, герой возвращается из потустороннего мира в реальный, – сюжетное клише святочных рассказов получает пародийное переосмысление.

Для святочного рассказа характерна форма рассказа в рассказе. Один из персонажей рассказывает страшный рассказ с целью напугать слушателей. «Страшная ночь» за исключением небольшого вступления и описания реакции слушателей представляет собой рассказ Панихидина. Одна из слушательниц Панихидина испугалась, слушая его историю. После того как Панихидин рассказал, как выбежал из дома, испугавшись гроба, *«одна из слушательниц припустила огня в лампе, придвинулась ближе к рассказчику, и последний продолжал»* [3, с. 141]. Слушательница добавила огня в лампе из-за суеверия: если лампа потухнет, то они лишатся защиты от нечистой силы, появления которой она ожидала в рассказе Панихидина. Однако развязка рассказа делает все переживания и страхи героя смешными, но он рассказывает свою историю не как анекдот, а как нечто серьезное и действительно пугающее.

В рассказе «Страшная ночь» повествование от первого лица использовано автором для иронии над штампами страшного святочного рассказа. Чехов пародирует стилистические приемы страшного святочного рассказа, используя для этого речь героя, которая наполнена шаблонными средствами нагнетания чувства ужаса и боязни открытия тайны. Рассказ Панихидина начинается словами: *«Темная, беспросветная мгла висела над землей»* [3, с. 139] – гиперболизация снижает шаблонное для страшных святочных рассказов вступительное описание ночи. Метель в святочных рассказах обычно используется как знак вмешательства в судьбу героя inferнальных сил [1, с. 189]. В рассказе «Страшная ночь» нет метели, но есть ветер, снег и дождь, что является пародийным снижением этого мотива. В словах Панихидина о том, что дождевые капли кружились *«неистово»*, есть пародийный намек на бесовскую сущность метели. Природа описана героем преимущественно с помощью шаблонных олицетворений, указывающих на ее связь с нечистой силой: *«Тихий плач обратился в злобный рев»* [3, с. 142]. Шаблонное олицетворение *«плач ветра»* несколько раз повторяется в речи героя. Холод в святочных рассказах символизирует гибель и несчастье. В расска-

зе «Страшная ночь» этот мотив иронически снижается, так как за ним следует шаблонная фраза, описывающая шок: *«Страх крепко сжимал меня в своих холодных объятиях. Волосы мои встали дыбом»* [3, с. 143]. В результате страх Панихидина воспринимается комически. В другом эпизоде Панихин перечисляет различные штампы для описания волнения: *«Голова моя трещала, ноги подкашивались... Дождь лил, как из ведра, ветер пронизывал насквозь, а на мне не было ни шубы, ни шапки»* [3, с. 143] – герой произносит не к месту затертую фразу *«дождь лил как из ведра»*, что создает комический эффект. Гиперболизированное описание страха в речи героя создает комический эффект, вместо устрашения: *«Минуту глядели мы друг на друга, выпуча глаза и удивленно раскрыв рты»* [3, с. 144].

Панихин пытается создать напряжение вокруг раскрытия того, что он увидел в своей комнате: *«Как жаль, что порыв ветра не достиг моей спички! Тогда, быть может, я ничего не увидел бы и волосы мои не стали бы дыбом»* [3, с. 141] – последняя фраза является шаблоном описания страха, который уже дважды повторяется героем на протяжении рассказа. Появление гроба вызывает у Панихидина шок: *«Я вскрикнул, сделал шаг к двери и, полный ужаса, отчаяния, изумления, закрыл глаза...»* [3, с. 141] – излишнее преувеличение в описании реакции героя создает комический эффект. Сопоставление чуда и преступления в речи героя тоже создает комический эффект: *«Если здесь не чудо, то преступление»* [3, с. 141] – герой ставит на одну ступень несовместимые понятия, что является примером авторской иронии над ним. Автор намеренно делает некоторые фразы героя нелепыми для создания комического эффекта: *«Плохо в такую ночь бесприютным»* [3, с. 140] – реплика героя выражает очевидную мысль, которая отсылает к клише святочных рассказов о противопоставлении холода и домашнего уюта. Выбежав из дома, Панихин боится возвращаться, потому что может увидеть там гроб: *«Нужно было идти, но... куда? Воротиться к себе – значило бы подвергнуть себя риску увидеть гроб еще раз, а это зрелище было выше моих сил»* [3, с. 142]. Дом, который должен символизировать уют и тепло, вызывает у героя ужас, вынуждающий его оставаться на улице и терпеть холод. Таким образом, все попытки героя описать свой страх, используя шаблонные приемы, являются авторской иронией над ним. В святочном рассказе читатель должен сочувствовать испуганному герою, однако описания Панихиным чувства ужаса вызывают смех.

Герой святочного рассказа может встретиться с нечистой силой или с покойником [1, с. 194]. В святочное время, особенно в Рождественский сочельник и в Крещенский сочельник, нечистой силе дана особая власть [4, с. 92]. В «Рождественской песни в прозе» Чарльза Диккенса Эбинезер Скрудж встречает дух своего старого компаньона Джейкоба Марли, а затем и трех духов Рождества. Все эти встречи были необходимы, чтобы Скрудж получил нравственный урок. В рассказе «Страшная ночь» Панихин считает себя человеком, не верящим в сверхъестественное: *«Я, господа, не верю и не верил в спиритизм»* [3, с. 139]. Однако герой пошел на модный в то время спиритический сеанс. Настаивая на

своем неверии в сверхъестественное, Панихидин считает реальным существование нечистой силы, которая описана в святочных рассказах. Услышав предсказание о собственной смерти, герой, опираясь на него, начинает предполагать, что с ним может произойти. Его предположения построены на шаблонах святочных рассказов, в которых герой встречается с покойником. По дороге домой Панихидин боится, что увидит смерть в виде приведения, но этого не происходит. Ожидания Панихидина, также как и ожидания читателей, не сбываются. Появление гроба в доме шокирует Панихидина. В попытках объяснить ситуацию герой снова обращается к мистике, в результате чего наивная вера Панихидина в сверхъестественное становится очевидной. Подобное противоречие указывает на авторскую иронию по отношению к герою. Для святочного рассказа характерен мотив дара-испытания [5, с. 129] или дара, меняющего человека [5, с. 132]. Панихидин, следуя жанровым клише, начинает считать гроб даром, предзнаменующим его смерть: *«Духи предсказали мне смерть, <...> Не они ли уже постарались кстати снабдить меня и гробом?»* [3, с. 142]. Герой верит в правдоподобность подобного объяснения. Попытки героя «рационально» объяснить появление гроба тоже терпят неудачу. Одним из таких объяснений является самоубийство богатой женщины: *«Кто же она, эта безвременно покончившая с жизнью богачка, нанесяшая мне такой странный и страшный визит?»* [3, с. 141]. Ожидания Панихидина о встрече с покойником снова не сбываются, так как гроб оказывается пустым. Герой начинает винить в случившемся расстроенные после спиритического сеанса нервы, объясняя появление гроба галлюцинацией: *«Волосы мои встали дыбом, с лица струился холодный пот, хотя я и верил, что то была галлюцинация»* [3, с. 141]. Попытки героя успокоить себя «рациональным объяснением» оказываются безуспешными, так как он считает происходящие события сверхъестественными.

Одним из средств создания комического эффекта является повтор сюжетных ситуаций. Панихидин видит гроб дома у себя и у своего товарища Упокоева. В обоих случаях герой выбегает на улицу после увиденного и пытается найти объяснение происходящего. В первый раз Панихидин видит у себя блестящий розовый гроб, что создает комический эффект – гроб выглядит не страшно, но все равно пугает героя. После красивого розового гроба второй уже кажется Панихидину более мрачным: *«Гроб товарища был почти вдвое больше моего, и коричневая обивка придавала ему какой-то особенно мрачный колорит»* [3, с. 142]. В рассказе появляется товарищ Панихидина – врач Погостов. Он, так же, как и Панихидин, вернувшись после спиритического сеанса, находит у себя дома гроб и тоже начинает его бояться. Погостов тоже не понимает, почему в его квартире оказался гроб, и винит в этом расстроенные нервы и спиритический сеанс. Панихидин встречает человека, который столкнулся с той же ситуацией и обдумал такие же объяснения. Но их встреча не приносит ясности в происходящее. Погостов не становится «спасителем» для Панихидина и не раскрывает истинную природу происходящего. Он, подобно Панихидину, теряется в догадках.

В рождественской прозе обязательно наличие чуда [6, с. 140] и последующий счастливый конец [2, с. 124]. Главное чудо в святочном рассказе – это спасение и воскресение человеческой души. По канонам жанра герой должен «переродиться», то есть поверить, что мир построен по законам добра, а его положение хоть немного улучшится [1, с. 203]. Духовному перерождению обычно предшествует нравственное страдание. Рождественское чудо обычно является кульминацией повествования. После чудесного события жизнь героя наполняется смыслом, он вновь обретает надежду. В повестях Диккенса «Рождественская песнь в прозе» и «Одержимый, или сделка с призраком» главные герои страдают, осознавая свою порочность перед духовным возрождением, которое наступает во время святок. В более поздних святочных рассказах чудо теряет фантастичность, приобретая реалистическое объяснение. Чудо обычно спасает героя от несчастья. Подобная модификация мотива рождественского чуда зачастую сводится к одному поразительному событию в жизни героя. В результате, рождественская история, благодаря случаю, получает счастливый конец.

Чудо в рассказе «Страшная ночь» оказывается спасением материального состояния одного из персонажей. Тестю Челюстина удастся спасти свое ценное имущество, состоящее из сделанных им дорогих гробов. Чудесное спасение носит сугубо материальный характер, что является пародированием традиционного мотива. Для Панихидина чудо оказывается бытовым объяснением появления в его комнате гроба, которое рассеивает его страх, вызванный неизвестностью. Однако в конце рассказа Панихин говорит: *«Дела его идут неважно, и каждый вечер теперь, входя к себе, я всё боюсь, что увижу около своей кровати белый мраморный памятник или катафалк»*[3, с. 145]. Из-за пережитого страха впечатлительный герой вынужден три месяца лечить нервы. После «чудесного спасения» персонажи получают неприятные последствия, что является совершенно не характерным для святочного рассказа, в котором чудо всегда спасает героя и знаменует счастливую развязку.

Таким образом, жанровые традиции святочного рассказа пародируются на разных уровнях повествования: и для читателя, и для героя события происходят совершенно не в соответствии с жанровыми ожиданиями. С помощью комического снижения Чехов иронизирует над сюжетными и стилистическими элементами страшного святочного рассказа. В рассказе «Страшная ночь» не происходит ничего сверхъестественного. Фантастическое воплощается только в предположениях героя о возможных событиях. Развязка оборачивается анекдотичной ситуацией и получает бытовое объяснение. Чудо оказывается спасением материального состояния, а не души.

Библиографический список

1. Душечкина Е. В. Русский святочный рассказ: становление жанра / Е. В. Душечкина. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. – 256 с.
2. Старыгина Н. Н. Святочный рассказ как жанр // Проблемы исторической поэтики. – 1992. – №2. – С. 113-127.

3. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького / А. П. Чехов. – М.: Наука, 1974-1982. Т. 3. – М.: Наука, 1975.

4. Собенников А. С. «Между «есть Бог» и «нет Бога...» (о религиозно-философских традициях в творчестве А.П. Чехова) / А. С. Собенников. – Иркутск: Изд-во Иркут. Ун-та, 1997. – 222 с.

5. Завельская Д. А. Мотив чуда в изображении христианского праздника русской литературной традицией // Вестник славянских культур. – 2019. – Т. 51. – С. 125-140.

6. Козина Т. Н. Жанровое своеобразие рождественского и святочного рассказов // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. – 2017. – Т. 23, № 4 (168). – С. 137-144.